

*Научная статья**Научная специальность**5.1.4 «Уголовно-правовые науки»*

УДК 343.236.3

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2022.4.63>**К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**© **Жилкин М. Г., 2022**

Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя, г. Руза, Россия

Проведено исследование соотношения фактического и юридического моментов окончания преступления в уголовном законе и судебной практике. На основе сравнения законодательных конструкций различных видов преступлений и правоположений судебной практики доказано, что фактическое окончание преступления может не совпадать с его юридическим определением, что влечет проблемы при уголовно-правовой оценке в таких ситуациях. Показаны роль разъяснений высшей судебной инстанции при определении момента окончания преступлений и их значение для правильного применения уголовного закона. На примере отдельных видов преступлений проанализированы особенности определения момента фактического и юридического окончания преступлений с формальными, усеченными и материальными составами по конструкции объективной стороны. Выявлены проблемы установления момента окончания преступлений в зависимости от их законодательной конструкции и обоснованы позиции по их решению, что вносит вклад в развитие доктринальных положений уголовного права об оконченном и неоконченном преступлении и позволяет направить правоприменительную практику по пути единообразного понимания уголовного закона.

Ключевые слова: уголовная ответственность, оконченное преступление, момент окончания преступления, конец преступления, законодательная конструкция, состав преступления.

TO THE QUESTION OF THE TIME OF THE END OF THE CRIME© **Zhilkin M.G., 2022**

Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, Ruza, Russian Federation

A study was made of the relationship between the actual and legal moments of the end of a crime in criminal law and judicial practice. Based on a comparison of the legislative structures of various types of crimes and the legal provisions of judicial practice, it has been proved that the actual end of a crime may not coincide with its legal definition, which leads to problems in criminal law assessment in such situations. The role of clarifications of the highest court in determining the moment of the end of crimes and their importance for the correct application of the criminal law is shown. On the example of certain types of crimes, the features of determining the moment of the actual and legal end of crimes with formal, truncated and material constructions are analyzed. The problems of establishing the moment of the end of crimes depending on their legislative structure are identified and positions on their solution are substantiated, which contributes to the development of the doctrinal provisions of criminal law on completed and unfinished crimes and allows directing law enforcement practice along the path of a uniform understanding of the criminal law.

Keywords: criminal liability, completed crime, the moment of the end of the crime, the end of the crime, the legislative structure, the corpus delicti.

Вопросы определения момента окончания преступления являются постоянным предметом научных изысканий на протяжении всей истории развития отечественной уголовно-правовой доктрины. При этом, предлагая различные взгляды на данную проблему, авторы сходятся в одном – проблема соотношения юридического и фактического моментов окончания преступления сегодня так и не получила ни законодательного, ни теоретического разрешения [18, с. 2]. Между тем, как писал А. Н. Трайнин, «задача правильного применения закона в том и заключается, чтобы, не сводя мысли законодателя лишь к буквальному текстовому ее воплощению, вскрыть ее подлин-

ное и полное содержание» [27, с. 95]. В этой связи мы обратили внимание на один из аспектов заявленной темы – вопрос определения момента окончания преступлений в зависимости от их законодательной конструкции – специфики состава преступления, описанной в законе при помощи элементов, характеризующих объективную сторону преступления.

Для установления основания уголовной ответственности за оконченное преступление необходимо определить, что совершенное деяние содержит все признаки состава преступления, а умысел преступника, реализованный в его волевом элементе – желании наступления преступного результата, доведен до конца. Как

справедливо отмечает П. С. Яни, «законодатель не использует термин “окончание преступления”, применяя в уголовном законе иное словосочетание – “конец преступления”; в контексте нормативного материала оно характеризует как итог развития деяния от начала выполнения объективной стороны к ее завершающему этапу, так и субъективную составляющую – направленность, цель деяния» [32, с. 32]. При этом нужно иметь в виду, что фактическое окончание преступления может не совпадать с его юридическим определением и при этом возможны различные варианты уголовно-правовой оценки такой ситуации [9].

Для уточнения этого постулата следует пояснить, что фактическое окончание преступления – это его конец, с точки зрения преступника, когда он осознает, что желаемый результат достигнут и никаких других действий (бездействия) для его довершения больше выполнять не требуется. Однако этот результат может не совпадать, с одной стороны, с отражением в уголовном законе признаков состава конкретного преступления, а именно признаков его объективной стороны, которые характеризуют окончание преступления – критериев полностью выполненного деяния или наступивших последствий, а с другой – с пониманием этих юридических составляющих преступления правоприменителем, потому что представление о них формируется под влиянием сложившейся правоприменительной практики, отраженной в решениях высших судов или в рекомендациях постановлений Пленума Верховного Суда РФ (далее – ППВС).

Так, например, высшая судебная инстанция не увязывает окончание изнасилования с физиологическим завершением полового акта, а его момент переносится на более раннюю фазу этого процесса – момент начала полового сношения¹. С точки зрения науки сексологии половой акт начинается с введения полового члена во влагалище, а завершается эякуляцией (семяизвержением), при этом выделяют еще несколько промежуточных этапов [2]. Но очевидно, что сексуальный насильник, движимый, как правило, стремлением удовлетворить свою половую страсть, вряд ли будет довольствоваться лишь введением полового члена во влагалище и будет стремиться завершить его оргазмом. Однако в данном случае фактическое (физиологическое)

завершение полового акта, указанного в ст. 131 УК РФ² в качестве обязательного признака объективной стороны, в котором заключена сущность этого деяния, не имеет юридического значения с точки зрения определения момента окончания этого преступления. В то же время все предварительное поведение сексуального насильника, включая домогательства, демонстрацию полового возбуждения, неудачные попытки ввести половой член, должно расцениваться как неоконченное преступление. Но и здесь бывают свои особенности.

Как известно, совершение развратных действий (преступление, предусмотренное ст. 135 УК РФ) в отношении малолетнего с учетом примечания к ст. 131 УК РФ образует состав оконченного преступления – насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ), даже если половой контакт не состоялся. Так, Верховный Суд РФ, рассматривая дело в апелляционной инстанции, констатировал, что педофил, хотя и не достиг желаемого результата – совершения акта мужеложства с малолетним, что является признаком объективной стороны преступления в ст. 132 УК РФ, тем не менее совершил оконченное преступление, так как момент его окончания, с учетом системного толкования норм о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, связан с совершением развратных действий, суть которых описана в приведенном определении апелляционной инстанции³. В данном случае налицо полное несовпадение признаков объективной стороны преступления, описанной в ст. 132 УК РФ, с фактически совершенным деянием, укладывающимся в состав другого преступления – развратных действий, объединяет которые лишь видовой объект преступления.

Продолжая анализировать преступления, предусмотренные ст. 131 и 132 УК РФ, можно увидеть еще одно подтверждение несоответствия юридического содержания преступления, описанного в уголовном законе, его фактическому наполнению. Так, в диспозициях указанных статей установлено, что данные преступления совершаются с применением насилия к потерпевшим, при этом характер насилия в законе не определен. Возникает вопрос, а охватываются ли возможные последствия в виде причинения

¹ См.: О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 дек. 2014 г. № 16 // Рос. газ. 2014. № 284.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2019 г. № 88-АПУ19-6 // КонсультантПлюс: справочная правовая система.

вреда здоровью потерпевшему как сопутствующий результат этих преступлений их составом? Ответ на него вынужден был дать Конституционный Суд РФ, разъяснив, что общественно опасные последствия, включая вред здоровью, телесные повреждения, не являются обязательными признаками данных преступлений¹.

Давая рекомендации по квалификации тех или иных преступлений, Верховный Суд РФ вынужден специально оговаривать вопросы юридического окончания преступлений, уточняя для правоприменителя понимание законодательной конструкции комментируемых преступлений: «Учитывая, что диспозиция части 1 статьи 228.1 УК РФ не предусматривает в качестве обязательного признака объективной стороны данного преступления наступление последствий (здесь и далее выделено нами. – М. Ж.) <...>, их незаконный сбыт следует считать окончанным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий...»².

Казалось бы, при такой ясной правовой позиции какие могут быть проблемы при установлении признаков оконченного преступления? Если последствия указаны в диспозиции статьи – требуется установить их причинение и налицо оконченное преступление; если последствия не указаны – нужно установить только факт совершенного деяния, и это также будет окончанным преступлением. Но не все так просто.

С одной стороны, не всегда понятно, имели в виду законодатель, формулируя уголовно-правовую норму, необходимость фактического наступления каких-либо последствий или нет. Понятно, что если в диспозиции статьи есть слова «повлекшее», «причинение», «наступление», то очевидно, что за ними следует описание последствий, установление которых и определяет момент окончания преступления. Например, в диспозиции ст. 207² УК РФ присутствуют названные слова-индикаторы, указывающие на материальную конструкцию этого преступления. А вот диспозиция ст. 121 УК РФ таких слов не содержит, и можно лишь догадываться, что заражение болезнью – это

преступные последствия, а не процесс или предполагаемый результат деяния. Тем более что в диспозиции основного состава схожей по наименованию с вышеназванной ст. 122 УК РФ говорится о заведомом поставлении другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, т. е. по наименованию статьи вроде речь идет так же о материальном составе преступления, как и в ст. 121 УК РФ, а исходя из описания признаков преступления в диспозиции нормы – нет. С другой стороны, конструкция формальных и материальных составов преступлений не такая уж безупречная с точки зрения ее однозначного понимания. Например, описанный нами состав ч. 1 ст. 122 УК РФ содержит указание и на деяние через термин «поставление», и на последствия через словосочетание «заражения ВИЧ-инфекцией», но между ними стоит слово «опасность», и состав по конструкции приобретает какой-то не совсем однозначный вид: есть деяние, есть последствия, но последствия не обязательно должны наступить, а важна лишь опасность их наступления. Такие составы называют «деликты опасности» [24, с. 109], и их окончание не ограничивается только совершением деяния, но требуется установление и других обстоятельств, которые при завершении этого преступления с неизбежной необходимостью могут привести к указанным в законе последствиям. Как отмечал А. Н. Трайнин, описывая подобные законодательные конструкты, «возможность наступления последствия есть, в качестве элемента состава преступления, столь же требующий установления факт, как и в действительности наступившее последствие» [27, с. 97].

Конструкция состава «опасности» обнаруживается и в диспозиции ст. 205 УК РФ, где между описанием деяния и перечислением последствий стоит словосочетание «создающих опасность», указывающее на то, что фактическое наступление этих последствий не влияет на признание данного преступления юридически окончанным. В связи с этим специалисты относят этот состав преступления к формальным [29] или же определяют его как формально-усеченный [8, с. 20]. Вместе с тем есть мнение, что ст. 205 УК РФ относится к преступлениям с материальным составом и только при угрозе совершения указанных в законе действий – к формальным [26]. Все же согласимся с мнением исследователей, полагающих, что наступление последствий не является обязательным признаком данного преступления [3, с. 9]. Да и судебная практика в целом подтверждает формальную конструкцию рассматриваемого состава

¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сапогина Геннадия Борисовича на нарушение его конституционных прав пунктом «б» части четвертой статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24 окт. 2019 г. № 2723-О // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² См.: О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017) // Рос. газ. 2006. № 137.

преступления, когда обязательным признаком является совершение деяния, а последствия – это хотя и фактически ожидаемый, но юридически необязательный результат теракта¹.

Для большей наглядности демонстрации неоднозначного определения юридического окончания преступления в зависимости от его законодательной конструкции рассмотрим очевидный, как кажется для отдельных исследователей, материальный состав доведения до самоубийства [13, с. 264], преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. На первый взгляд даже в названии статьи уже обозначено и деяние – «доведение», и его последствие – «самоубийство». Если провести этимологический анализ представленных терминов, то окажется, что доведение – это глагол действия, означающий доведение дела до конца, а самоубийство – это намеренное лишение себя жизни². Применяя системно-логический метод исследования, мы получим такую формулировку доведения до самоубийства: действие постороннего лица, направленное на то, чтобы человек умышленно причинил смерть сам себе. Конец преступления и желаемый результат того, кто доводит до самоубийства, – смерть другого лица. Однако в диспозиции ч. 1 ст. 110 УК РФ указано на два момента окончания преступления – самоубийство и покушение на него. Подобная конструкция получила наименование «формально-материальный состав», в котором содержится две формы совершения преступления и момента окончания [29, с. 9]. При этом, вероятно, употребляя термин «покушение» в диспозиции рассматриваемой нормы, законодатель не имел в виду стадию неоконченного преступления, так как такого преступления, как самоубийство – лишение жизни самого себя, в УК РФ нет. А что же тогда следует понимать под словосочетанием «покушение на самоубийство»? Возможно, речь идет о совершении деяния, предполагаемый результат которого – смерть, которая не наступила по не зависящим от лица обстоятельствам. Но использование термина «покушение» предполагает еще один вопрос: а может быть, данное преступление заключается в несовершении виновным лицом всех действий, необходимых для того, чтобы субъект лишил себя жизни? То есть, предположительно, данное преступление в завершенном виде определяется как неоконченное покушение. Таким образом, в представ-

ленной конструкции состава преступления ст. 110 УК РФ теоретически можно определить не один, не два, а даже три момента окончания преступления! Конечно, это лишь частный случай, и таких норм не так много в УК РФ, но все же есть необходимость рассмотреть некоторые особенности конструкций составов преступлений и представить теоретико-прикладные подходы к определению момента окончания таких преступлений.

Итак, проблема определения оконченного состава преступления в конструкциях с формальным и материальным составом связана с особенностями содержания деяния и последствий в конкретном составе преступления. Рассмотрим особенности конструкций формальных составов преступлений. Среди них можно обнаружить несколько разновидностей.

В первую очередь это простые формальные составы, в которых наличествует описание деяния или способ его совершения. Здесь есть несколько особенностей, которые связаны с существенными характеристиками конкретных преступлений.

Само по себе деяние, как и преступление, развивается последовательно, и можно выделить этапы его развития: начало деяния, течение деяния (процесс его совершения), конец деяния (его завершение).

Можно предположить, что совершенное деяние – это то, которое прошло все перечисленные стадии своего развития и, начавшись, достигло фактического завершения. Но на практике это выглядит не совсем так. В отдельных случаях можно говорить о несовпадении фактического и юридического окончания преступления. Поэтому в формальных составах есть примеры, когда момент окончания связан с прохождением одного, двух или трех вышеуказанных этапов.

Так, следует считать *оконченным с момента начала движения* транспортного средства нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (преступление, предусмотренное ст. 264¹ УК РФ), и неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения (преступление, предусмотренное ст. 166 УК РФ)³. Таким образом, начало деяния уже объявляется юридически окончанным преступлением, хотя очевидно, что и в одном и в другом случае за

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 7 дек. 2006 г. № 1-006-42 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² Общий толковый словарь русского языка. URL: <http://tolsklovar.ru/d4477.html>. (дата обращения: 31.01.2022).

³ См.: О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 дек. 2008 г. № 25 (ред. от 24.05.2016) // Рос. газ. 2008. № 265.

началом движения последует развитие деяния – само движение, связанное с перемещением транспортного средства в пространстве, но оно находится за рамками оконченного преступления. На начало выполнения оговоренных в законе действий как на момент окончания преступления указывается и в других ППВС¹.

Также бывают ситуации, когда лицо, совершая деяние, имеет физическую возможность лишь начать его, а дальнейшее его развитие и предполагаемый результат от субъекта уже не зависят, и это также влияет на признание его как юридически завершенного уже с начала деяния, независимо от его развития и результата – фактического завершения. Например, пересылая почтовую бандероль из одного географического пункта в другой, лицо может лишь осуществить ее отправку путем передачи посылки работнику почты, а вот сама пересылка будет осуществлена без его участия. В связи с этим Верховный Суд РФ указал, что ответственность лица по ст. 228¹ УК РФ как за «оконченное преступление наступает с момента отправления письма, посылки, багажа и т. п. <...>, независимо от получения их адресатом (выделено нами. – М. Ж.)»². Таким образом, желаемый результат этого преступления – доставка предмета адресату – не имеет никакого значения для установления юридического окончания преступления в данной форме.

Окончание деяния на стадии течения деяния (процесса совершения, его развития) довольно редко, но все же определяется в судебной практике. Например, под похищением человека понимается его незаконный захват, перемещение и последующее удержание, а оконченным это преступление следует считать с момента захвата и начала его перемещения³. Таким образом, определяя данное преступление как триаду действий: захват (начало) – перемещение (течение) – удержание (конец), высшая судебная инстанция признала оконченным похищение человека в процессе его совершения.

Большинство же преступлений с формальным составом считается оконченным при за-

вершении деяния, когда необходимые действия фактически доведены до конца. Так, контрабанда является оконченным преступлением с момента фактического пересечения товарами или иными предметами таможенной границы⁴. Изготовление фальшивых денежных знаков или ценных бумаг является оконченным преступлением, если с целью последующего сбыта изготовлены хотя бы один денежный знак или одна ценная бумага, независимо от того, удалось ли осуществить сбыт подделки⁵. Ответственность за незаконное изготовление или незаконную переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта как за оконченное преступление наступает с момента получения в значительном размере готовых к использованию и употреблению этих средств или веществ либо в случае повышения их концентрации в препарате путем рафинирования или смешивания⁶.

Получение и дача взятки, а равно незаконно вознаграждения при коммерческом подкупе считаются оконченными с момента принятия должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, хотя бы части передаваемых ему ценностей (например, с момента передачи их лично должностному лицу, зачисления с согласия должностного лица на указанный им счет, «электронный кошелек»). При этом не имеет значения, получили ли указанные лица реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными им ценностями по своему усмотрению⁷. Таким образом, в судебном толковании точно раскрывается смысл, заключенный в деянии, состоящем из двух взаимосвязанных поведенческих актов – дачи взятки (подкупа) одной стороной коррупционной сделки и ее получение другой стороной. Но совсем по-другому ППВС № 24 предлагает определять момент окончания дачи – получения взятки или подкупа, когда участники заранее договариваются о том, что личной передачи предмета

¹ См.: О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февр. 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) // Рос. газ. 2012. № 35.

² См.: О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017) // Рос. газ. 2006. № 137.

³ См.: О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 дек. 2019 г. № 58 // Рос. газ. 2019. № 296.

⁴ См.: О судебной практике по делам о контрабанде : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 апр. 2017 г. № 12 (ред. от 11.06.2020) // Рос. газ. 2017. № 99.

⁵ См.: О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 апр. 1994 г. № 2 (ред. от 06.02.2007) // Рос. газ. 2001. № 80–81.

⁶ См.: О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017) // Рос. газ. 2006. № 137.

⁷ См.: О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019) // Рос. газ. 2013. № 154.

взятки (подкупа) не будет, а указывается место, где он будет находиться (например, камера хранения), а адресату подкупа обеспечивается доступ к его получению (например, передается ключ или код). В этом случае Пленум рекомендует признавать преступление оконченным с того момента, когда предмет взятки (подкупа) помещается в указанное место. Таким образом, с точки зрения завершенности деяния – получения предмета взятки должностным лицом, данное преступление еще не доведено до конца, но судебная позиция здесь иная – момент окончания преступления, совершенного в описанной форме, переносится на одну из стадий перехода предмета взятки от взяткополучателя к взяткодателю, т. е. фактически прекращается в процессе совершения (течения) деяния. При этом, в отличие, например, от пересылки наркотиков посредством авиасообщения в отсутствие отправителя, у взяткодателя сохраняется возможность изъять предмет взятки из места хранения, а у взяткополучателя соответственно – фактически не получить предмет взятки. Но Верховный Суд РФ лишил в данном случае субъекта дачи взятки возможности добровольного отказа, перенес момент окончания на более раннюю стадию реализации преступного намерения.

Анализируемое ППВС № 24 содержит еще одно положение, касающееся момента окончания получения взятки, которое по сути предполагает ответственность не за совершение деяния, а лишь за намерение его совершить. При этом в качестве примера возможного развития такой ситуации Пленум приводит пример с задержанием взяточников – т. е. событием, которое повлияло на невозможность довести задуманное преступление до конца по не зависящим от воли виновных обстоятельствам. Как правильно отмечает Н. Г. Иванов, здесь налицо признаки покушения, а не оконченного преступления, но рекомендации Пленума явно не учитывают положения ч. 3 ст. 30 УК РФ [11]. С ним соглашается В. Н. Борков, замечая, что «вряд ли существуют какие-то причины квалифицировать прерванное правоохранительными органами на этапе покушения преступление как оконченное» [5, с. 16]. А при совершении преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ в форме, когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу, момент ее окончания, по мнению П. С. Яни, и вовсе носит фикционный характер, так как субъект не только лично не принимает предмет взятки, но и не извлекает

никакой выгоды из ее получения другим лицом [31, с. 26]. Следовательно, при квалификации получения взятки судебная практика исходит из того, что это преступление может быть юридически окончено, в зависимости от обстоятельств его совершения, как в начале, так и в процессе или в конце совершения деяния.

Понимание взяточничества в вышеописанных новых формах его осуществления позволяет сделать вывод, что данное преступление может и вовсе не иметь стадии неоконченного преступления, что является признаком так называемых усеченных составов преступлений, которые являются разновидностью формальных составов, а момент их окончания перенесен на предшествующую оконченному преступлению стадию приготовления или покушения [20, с. 52]. Как определяет Л. Д. Гаухман, «преступление с усеченным составом признается оконченным с момента совершения деяния в том его определении (формулировке, виде), в каком оно описано в статье Особенной части данного УК» [6, с. 534].

В качестве примера рассмотрим несколько характерных усеченных составов преступлений. Во-первых, это – бандитизм, преступление, ответственность за которое предусмотрена в ст. 209 УК РФ. Его легальное закрепление как усеченного состава преступления было зафиксировано еще в УК РСФСР 1922 г.¹ и в дальнейшем нашло свое отражение в УК РФ [14]. Диспозиция нормы ст. 209 УК РФ «создание вооруженной группы (банды) в целях нападения...» указывает на то, что сами нападения не охватываются составом бандитизма и для признания преступления оконченным достаточно установить, что банда фактически сформирована – подобраны соучастники преступления (создана группа), приисканы орудия совершения преступления (группа вооружена), осуществлен сговор на совершение преступления (определена цель нападения). Такую позицию подтверждает и ППВС: «Создание вооруженной банды является в соответствии с ч. 1 ст. 209 УК РФ оконченным составом преступления независимо от того, были ли совершены планировавшиеся ею преступления»². Таким образом, момент окончания преступления перенесен на стадию его приготовления, что соответствует определению этой стадии в ч. 1 ст. 30 УК РФ. Од-

¹ О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (ред. от 25.08.1924) (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

² См.: О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 янв. 1997 г. № 1 // Рос. газ. 1997. № 20.

нако при этом не исключается возможность квалифицировать активные действия лица, направленные на создание устойчивой вооруженной группы, которые в силу их своевременного пресечения правоохранительными органами либо по другим, не зависящим от этого лица обстоятельствам не привели к возникновению банды, как покушение на создание банды, о чем указано в цитируемом выше ППВС.

Еще одним характерным примером усеченного состава преступления является разбой (ст. 162 УК РФ) – нападение в целях хищения чужого имущества, в котором момент окончания перенесен на стадию покушения [23, с. 102]. Данное деяние относится к одной из форм хищения имущества, в которых момент окончания традиционно увязывается с получением имущества виновным в свое незаконное владение. Однако касательно разбоя ППВС говорит, что данное преступление «считается оконченным с момента нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия»¹. Таким образом, завладение имуществом не является признаком окончания разбоя и не имеет значения для квалификации деяния как оконченного преступления.

Судебная практика строго следует разъяснениям Пленума о квалификации оконченного разбоя и не допускает отхода от его рекомендаций. Так, суд отклонил довод о переквалификации действий осужденного с ч. 3 ст. 162 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 162 УК РФ. При этом, сославшись на цитируемое выше постановление, суд указал, что факт изъятия имущества и причинение имущественного ущерба находятся за рамками объективной стороны этого преступления, таким образом, разбой не предусматривает покушения на это преступление².

Следует обратить внимание, что и в бандитизме, и в разбое намечаемый преступниками результат несколько оторван, если можно так выразиться, от совершенного деяния и может быть вовсе недостижим по различным объективным причинам, не зависящим от виновных. Отдаленность результата характерна еще для одного преступления, которое в науке также относят к усеченным составам, – вымогательства (ст. 163 УК РФ) [4, с. 10].

¹ См.: О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017) // Рос. газ. 2003. № 9.

² См.: Постановление Московского городского суда от 26 апр. 2011 г. по делу № 4у/2-2416 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Здесь необходимо сделать промежуточный вывод-предположение о том, что, если в диспозиции уголовно-правовой нормы деяние описано словами «создание», «нападение» или «требование» и при этом указана цель этого деяния, реализуемая в результате совершения иных преступлений, такой состав преступления имеет скорее всего усеченную конструкцию и будет окончен на стадии приготовления или покушения.

Еще одним индикатором, указывающим на усеченную конструкцию состава преступления (и, соответственно, предполагается перенос момента его юридического окончания на более раннюю стадию), является наличие в диспозиции нормы словосочетания «посягательство на...». К таким преступлениям относятся, например, ст. 277, 295, 317 УК РФ [21–23]. В названных преступлениях предусмотрена уголовная ответственность за посягательство на жизнь различных потерпевших. Хотя сам термин «посягательство» в законе не раскрыт, судебная практика под ним понимает убийство или покушение на убийство³. Уточняя момент окончания этого преступления, Верховный Суд РФ в своих определениях неоднократно разъяснял, что посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа в целях воспрепятствования законной деятельности по охране общественного порядка должно квалифицироваться по ст. 317 УК РФ независимо от того, была ли причинена смерть потерпевшему либо она не наступила в силу причин, не зависящих от воли виновного. Преступление считается оконченным в момент посягательства на жизнь, совершенного с прямым умыслом⁴. Такая позиция отражается и в научной литературе [12].

Подводя итог анализу специфики определения момента окончания преступлений с усеченной конструкцией объективной стороны, необходимо сделать вывод о том, что имевшая место научная дискуссия относительно существования подобных законодательных конструк-

³ См.: О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 сент. 1989 г. № 9 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

⁴ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 3 марта 2016 г. № 36-АПУ16-4 // КонсультантПлюс : справочная правовая система; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13 марта 2018 г. № 50-АПУ18-3 // КонсультантПлюс : справочная правовая система; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 июня 2019 г. № 5-АПУ19-43 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

ций малопродуктивна [17, с. 67–77; 16, с. 47], а практика последовательно признает наличие усеченных составов, что отражается в соответствующих разъяснениях высшей судебной инстанции.

Фактом наступления общественно опасных последствий определяется момент окончания в материальных составах преступлений, однако это не всегда подтверждается судебной практикой. Наиболее наглядно это выглядит на примере хищений, где в качестве последствий выступает причинение ущерба собственнику, а практика не считает этот признак обязательным условием для признания преступления оконченным.

Так, присвоение считается оконченным преступлением с того момента, когда «законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправным и это лицо *начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу* (выделено нами. – М. Ж.)»¹. Как видно, в представленной конструкции имущество фактически еще не выбывает из фондов собственника, виновный лишь совершает действия, которые могут привести к этому результату, но Верховный Суд РФ рекомендует признавать такое деяние уже юридически оконченным.

Однако наиболее выпукло проблема окончания преступлений с материальным составом проявляется при его определении в составах кражи и грабежа.

Исходя из законодательного определения оконченного преступления и учитывая материальную конструкцию объективной стороны состава хищения, описанную в прим. 1 к ст. 158 УК РФ, моментом окончания данных преступлений следует считать факт наступления общественно опасных последствий совершения данного деяния – причинения ущерба потерпевшему. Вместе с тем умысел преступника формируется исходя из корыстной направленности кражи и грабежа, и его цель – изъять имущество из законного владения тайным или открытым способом и обогатиться таким образом за чужой счет [15, с. 65]. Причинение ущерба собственнику или иному владельцу имущества для вора или грабителя является сопутствующим негативным эффектом преступной деятельности, о котором он вряд ли задумывается до, в процессе или после совершения преступления. Тем не менее судебная практика выра-

ботала собственные критерии для определения момента окончания кражи и грабежа, в соответствии с которыми эти преступления «считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом)»².

Комментируя данный пример расширительного судебного толкования закона, доктрина говорит о «двух направлениях определения момента окончания хищения – теории изъятия (хищение окончено, если имущество изъято из законного владения) или завладения (изъятное имущество должно перейти в обладание виновного)» [1, с. 21]. Подход, предложенный высшей судебной инстанцией к определению момента окончания хищений в форме кражи и грабежа, объединил эти две концепции, указав, что для признания названных преступлений оконченными необходимо установить и факт изъятия имущества, который неминуемо приведет к причинению реального ущерба потерпевшему, и факт обладания имуществом преступником – получения реальной возможности распоряжаться им по своему усмотрению. Интересно, что данная правовая позиция действует уже почти 50 лет, с момента ее первоначального закрепления в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» [25], и исправно воспроизводится судебной практикой.

Между тем есть мнение, что такое определение момента окончания хищений не соответствует реалиям нашего времени и юридический конец этих преступлений может быть сдвинут в сторону изъятия имущества, независимо от его незаконного обладания виновным. Автор такого предположения А. В. Архипов обосновывает своей тезис ссылкой на другое, более свежее правовоположение относительно момента окончания хищения безличных денежных средств путем мошенничества, зафиксированное в абз. 2 п. 5 ППВС от 30 ноября 2018 г. № 48, в котором указано, что «преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в

¹ См.: О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48 // Рос. газ. 2017. № 280.

² См.: О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017) // Рос. газ. 2003. № 9.

результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб (выделено нами. – М. Ж.)»¹. Вследствие чего делается вывод, что «правило определения момента окончания хищения безналичных денежных средств будет распространено практикой и на иные формы хищения (кражу, грабеж, присвоение и растрату), поскольку процесс изъятия безналичных денежных средств всегда одинаков. Какой бы ни была избранная виновным форма хищения безналичных денежных средств, имущественный ущерб потерпевшему будет причинен только путем списания денежных средств с его счета» [1, с. 24].

Критики данного подхода, опираясь на одно из судебных решений², говорят о том, что в ППВС № 48 нет отхода от привычных позиций к определению момента окончания хищений, ибо реализовать свой корыстный умысел преступник может, лишь получив реальную возможность обладать похищенным имуществом: «Об оконченном хищении можно говорить лишь в том случае, когда лицо фактически увеличило свою имущественную массу за счет похищенного, обратив его в свою пользу» [7, с. 35]. При этом отмечается, что перенос окончания хищения на момент изъятия имущества способен породить квалификационные проблемы, которые отразятся на оценке перерастания кражи в грабеж, возможном сужении круга соучастников, применении добровольного отказа и др.

По нашему мнению, по заявленным позициям следует согласиться с А. В. Архиповым. Изъятие имущества предполагает его утрату собственником или иным владельцем имущества, поэтому его переход от одного лица к другому свидетельствует о фактической завершенности процесса хищения, когда одна сторона лишается возможности обладать имуществом, а другая, наоборот – получает незаконное право обладания им. Обладание изъятим имуществом дает возможность распорядиться им по своему усмотрению – обратить его в свою пользу, что предполагает извлечение выгоды от содеянного. Нет противоречий в данном случае и в квалификации действий лица, тайно изъясвшего имущество, но продолжающего его удерживать открыто либо с применением насилия, как пере-

растание кражи в грабеж или разбой³. А отсутствие у лица возможности добровольного отказа при признании юридического окончания хищения на стадии изъятия имущества лишь подчеркивает правильность такого подхода, ибо право на возвращение изъятого имущества до обращения его в свою пользу с последующим освобождением от уголовной ответственности предполагает поощрение безнаказанного нарушения права собственности.

В завершение следует отметить, что законодательная конструкция состава преступления, с одной стороны, не всегда позволяет правильно определить момент его юридического завершения, имеющего значение для установления основания уголовной ответственности за оконченное преступление, а с другой – неизбежно требует дополнительных уточнений момента их окончания применительно к конкретным преступлениям в разъяснениях ППВС. Отсутствие таких разъяснений при сложной конструкции объективной стороны преступления приведет к разным правовым подходам и разбалансирует следственно-судебную практику.

Например, момент окончания хищения предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ), не разъясняется в ППВС от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», что вызывает закономерные разногласия в его определении как в судебной практике, так и в доктрине [30]. В частности, исследователи обращают внимание на то, что законодательная конструкция данного состава преступления, включающая в себя разные формы хищения с разной конструкцией объективной стороны, не позволяет сделать правильный вывод относительно его юридического окончания, что требует дополнительных разъяснений высшей судебной инстанции. В то же время, например, применительно к хищению оружия, совершенному путем разбоя, в ППВС от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»⁴ скорректирован момент окончания преступления, предусмотренного ст. 226 УК РФ, посредством его переноса на момент завладения предметами преступления, а не на момент на-

¹ См.: О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48 // Рос. газ. 2017. № 280.

² См.: Апелляционное определение суда Чукотского автономного округа от 29 нояб. 2017 г. по делу № 22-26/17 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ См.: О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017) п. 5 // Рос. газ. 2003. № 9.

⁴ См.: О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 (ред. от 11.06.2019) // Рос. газ. 2002. № 48.

падения в целях их хищения, как это имеет место при разбое, предусмотренном с. 162 УК РФ [10, с. 52–53]. Однако такой способ восполнения законотворческих недостатков следует считать временной, вынужденной мерой, а в перспективе необходимо подвергнуть модернизации УК РФ и законодательно уточнить содержание соответствующих уголовно-правовых норм, допускающих разночтения при определении момента окончания преступлений ввиду смешанной конструкции объективной стороны таких преступлений.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Фактическое окончание преступления и его юридическое окончание, как правило, не совпадают с определением конца конкретного преступления в судебной практике.

2. Законодательная конструкция состава преступления не всегда дает возможность точно классифицировать его как формальный или материальный состав, что влечет разногласия в определении момента окончания преступлений.

3. Доктринальное разделение составов преступлений в зависимости от описания в законе элементов объективной стороны с учетом их возможного разнообразия (формальные, усеченные, материальные, формально-материальные, формально-усеченные, составы реальной опасности и др.) не имеет прикладного значения для однозначного определения юридического момента окончания преступления, так как судебная практика, как правило, корректирует этот момент в зависимости от специфики конкретного преступления.

4. Назрела необходимость в пересмотре правовых позиций относительно определения юридического момента окончания хищений, с установлением момента фактического изъятия чужого имущества достаточным основанием уголовной ответственности за оконченное преступление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов А. В. Момент окончания хищения // Уголовное право. 2018. № 4. С. 20–24.
- Безверхов А. О некоторых вопросах квалификации насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовное право. 2014. № 5. С. 18–24.
- Безверхов А. О некоторых вопросах квалификации преступлений террористической направленности // Уголовное право. 2013. № 1. С. 4–11.
- Безверхов А. О некоторых вопросах квалификации вымогательства // Уголовное право. 2016. № 2. С. 4–11.
- Борков В. Н. Пресечение взяточничества в ходе оперативно-розыскных мероприятий не предпринимает вопроса о признании его оконченным преступлением // Уголовное право. 2019. № 6. С. 11–17.
- Гаухман Л. Д. Избранные труды / сост.: В. П. Морозова, д-р юрид. наук, проф. С. В. Максимов. СПб. : Юридический центр, 2016. 800 с.
- Данилов Д. О. Момент окончания хищения безналичных и электронных денежных средств: вопросы соучастия // Уголовное право. 2018. № 3. С. 32–37.
- Джангуразов М. А. О понятии преступлений, связанных с уничтожением или повреждением имущества // Российский следователь. 2013. № 20. С. 18–21.
- Ермакова О. В. Юридический и фактический момент окончания преступления // Алтайский юридический вестник. 2013. № 1 (1). С. 18–21.
- Ермолович Я. Н. Судебная практика по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2019 года № 15) // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 9. С. 47–59.
- Иванов Н. Г. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 года № 59 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 24 “О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях”»: критические размышления ученого-криминолога // Уголовное судопроизводство. 2020. № 2. С. 43–48.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М. : Проспект, 2015. Т. 2. 704 с.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. проф. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2019. 1096 с.
- Краснова К. А., Волкова М. А. Исторический аспект развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за бандитизм // История государства и права. 2011. № 20. С. 7–11.
- Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. 336 с.
- Кругликов Л. Л. Учение о составе преступления: генезис и современное состояние // Журнал прикладных исследований. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchenie-o-sostave-prestupleniya-genezis-i-sovremennoe-sostoyanie> (дата обращения: 30.01.2022).
- Кузнецова Н. Ф. Избранные труды / предисл. акад. В. Н. Кудрявцева. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 834 с.
- Маликов С. В. Юридический и фактический моменты окончания преступления // Юридические исследования. 2019. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-i-fakticheskiy-momenty-okonchaniya-prestupleniya> (дата обращения: 28.01.2022).
- Маршакова Н. Н. Классификация преступлений против общественной безопасности // Труды РАЮН. Вып. 7. М. : Юрист, 2007. Т. 2. 750 с.
- Рарог А. И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lex russica. 2016. № 11. С. 46–60.
- Редин М. П. О конструкции составов преступлений, предусмотренных статьями 277, 295, 317 УК РФ // Современное право. 2007. № 8. С. 86–91.
- Редин М. П. О понятии посягательства на жизнь и конструкции составов преступлений, предусмотренных статьями 277, 295, 317 Уголовного кодекса Российской Федерации // Безопасность бизнеса. М. : Юрист. 2007. № 3. С. 35–39.
- Редин М. П. Разбой (понятие, конструкция состава) // Современное право. 2007. № 10. С. 96–104.
- Решетникова Д. В. Особенности момента окончания преступлений против жизни и здоровья по Уголовному кодексу Российской Федерации // Общество и право. 2011. № 1. С. 108–111.

25. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924–1986 гг. / сост.: Г. И. Бушуев, В. И. Замятин, А. Г. Мазалов, С. Б. Ромазин, С. Ф. Савкин, Е. А. Смоленцев, О. П. Темушкин, П. Я. Трубников, А. М. Филатов; под общ. ред. В. И. Теребилов. М.: Известия, 1987. 1039 с.

26. Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел: науч.-практ. пособие / Ю. И. Антонов, А. Я. Аснис, В. Б. Боровиков и др.; под ред. А. В. Галаховой. М.: НОРМА, 2006. 560 с. // СПС «Консультант Плюс.

27. Трайнин А. Н. Избранные труды / Составление, вступ. ст. д-ра юрид. наук, проф. Н. Ф. Кузнецовой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 898 с.

28. Турышев А. А. Состав преступления: структурно-логический анализ: учебно-наглядное пособие. Омск: Образование информ, 2019, 44 с.

29. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинные, А. В. Бриллиантов, О. А. Вагин [и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 1184 с.

30. Шеслер В. Момент окончания хищения предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ) // Уголовное право. 2021. № 5. С. 69–76.

31. Яни П. С. Взятничество: споры о содержании новелл уголовного закона и позиции Верховного Суда // Законность. 2017. № 12. С. 23–28.

32. Яни П. С. Конец преступления // Законность. 2016. № 9. С. 32–37.

REFERENCES

1. Arkhipov A.V. Moment okonchaniya hishcheniya [The moment of the end of theft]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. 2018, no. 4, pp. 20-24. (in Russian)

2. Bezverkhov A. O nekotorykh voprosakh kvalifikatsii nasil'stvennykh prestupleniy protiv polovoj neprikosnovennosti i polovoj svobody lichnosti [On some issues of qualification of violent crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. 2014, no. 5, pp. 18-24. (in Russian)

3. Bezverkhov A. O nekotorykh voprosakh kvalifikatsii prestupleniy terroristicheskoy napravlenosti [On some issues of qualifying terrorist crimes]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. 2013, no. 1, pp. 4-11. (in Russian)

4. Bezverkhov A. O nekotorykh voprosakh kvalifikatsii vymogatel'stva [On some issues of qualification of extortion]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. 2016, no. 2, pp. 4-11. (in Russian)

5. Borkov V.N. Presechenie vzyatochnichestva v hode operativno-rozysknykh meropriyatij ne predreshaet voprosa o priznanii ego okonchennym prestupleniem [Suppression of bribery in the course of operational-search measures does not prejudice the issue of recognizing it as a completed crime]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. 2019, no. 6, pp. 11-17. (in Russian)

6. Gaukhman L.D. *Izbrannyye Trudy. Sostaviteli V. P. Morozova, dokt. yurid. nauk, prof. S. V. Maksimov* [Selected works. Compiled by: V. P. Morozova, doc. legal sciences, prof. S.V. Maksimov]. Saint Petersburg, Legal Center Publ., 2016, 800 p. (in Russian)

7. Danilov D.O. Moment okonchaniya hishcheniya beznalichnykh i elektronnykh denezhnykh sredstv: voprosy souchastiya [The moment of the end of the theft of non-cash and electronic money: issues of complicity]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. 2018, no. 3, pp. 32-37. (in Russian)

8. Dzhangurazov M.A. O ponyatii prestupleniy, svyazannykh s unichtozheniem ili povrezhdeniem imushchestva [On the concept of crimes related to the destruction or damage to property]. *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian investigator]. 2013, no. 20, pp. 18-21. (in Russian)

9. Ermakova O.V. Yuridicheskij i fakticheskij moment okonchaniya prestupleniya [Legal and actual moment of the end of the crime]. *Altajskij yuridicheskij vestnik* [Altai legal bulletin]. 2013, no. 1 (1), pp. 18-21. (in Russian)

10. Yermolovich Ya.N. Sudebnaya praktika po delam o hishchenii, vymogatel'stve i nezakonnom oborote oruzhiya, boepripasov, vzryvchatykh veshchestv i vzryvnykh ustrojstv (nauchno-prakticheskij kommentarij k Postanovleniyu Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 11 iyunya 2019 goda N 15) [Judicial practice in cases of theft, extortion and illicit trafficking in weapons, ammunition, explosives and explosive devices (scientific and practical commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 11, 2019 no. 15)]. *Pravo v Vooruzhennykh Silah* [Law in the Armed Forces]. 2019, no. 9, pp. 47-59. (in Russian)

11. Ivanov N.G. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24 dekabrya 2019 goda N 59 «O vnesenii izmenenij v Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 9 iyulya 2013 goda N 24 «O sudebnoj praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inyh korruptsionnykh prestupleniyah»: kriticheskie razmyshleniya uchenogo-kriminologa [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 24, 2019 N 59 «On Amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013 N 24 «On Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption Crimes»: critical reflections of a scientist-criminologist]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal justice]. 2020, no. 2, pp. 43-48. (in Russian)

12. Brilliantov A.V., Dolzhenkova G.D., Zhevlaev E.N. [et al.] *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: v 2 t. (postatejnyj)*. [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 vol. (by article)]. Moscow, Prospekt Publ., 2015, Vol. 2, 704 p. (in Russian)

13. *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: nauchno-prakticheskij (postatejnyj). 6-e izd., pererab. i dop. pod red. professora N.G. Kadnikova*. [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and practical (article by article). 6th ed., revised. and additional ed. Professor N.G. Kadnikov]. Moscow, Jurisprudence Publ., 2019, 1096 p. (in Russian)

14. Krasnova K.A., Volkova M.A. Istoricheskij aspekt razvitiya otechestvennogo zakonodatel'stva ob ugolovnoj otvetstvennosti za banditizm [The historical aspect of the development of domestic legislation on criminal liability for banditry]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law]. 2011, no. 20, pp. 7-11. (in Russian)

15. Krieger G.A. *Kvalifikatsiya hishchenij socialisticheskogo imushchestva* [Qualification of theft of socialist property]. Moscow, 1974, 336 pp. (in Russian)

16. Kruglikov L.L. Uchenie o sostave prestupleniya: genesis i sovremennoe sostoyanie [The doctrine of the composition of the crime: the genesis and current state]. *Zhurnal prikladnykh issledovanij* [Journal of Applied Research]. 2020, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchenie-o-sostave-prestupleniya-genesis-i-sovremennoe-sostoyanie> (date of access: 01.30.2022). (in Russian)

17. Kuznetsova N.F. *Izbrannyye Trudy. Predislovie akademika V. N. Kudryavtseva* [Selected works. Foreword by Academician V.N. Kudryavtsev]. Saint Petersburg, Legal Center Press Publ., 2003, 834 p. (in Russian)

18. Malikov S.V. Yuridicheskij i fakticheskij momenty okonchaniya prestupleniya Legal and factual moments of the end of the crime]. *Yuridicheskie issledovaniya* [Legal research]. 2019, no. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskij-i-fakticheskij-momenty-okonchaniya-prestupleniya> (date of access: 01.28.2022). (in Russian)

19. Marshakova N.N. Klassifikatsiya prestupleniy protiv obshchestvennoj bezopasnosti [Classification of crimes against public security]. *Trudy RAYUN* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Iss. 7]. Moscow, Jurist Publ., 2007, vol. 2, 750 p. (in Russian)

20. Rarog A.I. Ugolovno-pravovye pozitsii zakonodatela i pravoprimenitel'ya [Criminal law positions of the legislator and law enforcer]. *Lex russica* [Lex russica]. 2016, no. 11, pp. 46-60. (in Russian)

21. Redin M.P. O konstrukcii sostavov prestupleniy, predusmotrennykh stat'yami 277, 295, 317 UK RF [On the construction

of the elements of crimes provided for by articles 277, 295, 317 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law]. 2007, no. 8, pp. 86-91. (in Russian)

22. Redin M.P. O ponyatii posyagatel'stva na zhizn' i konstrukcii sostavov prestuplenij, predusmotrennyh stat'yami 277, 295, 317 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [On the concept of encroachment on life and the structure of the elements of crimes provided for by articles 277, 295, 317 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Bezopasnost' biznesa* [Business Security]. Moscow, Lawyer Publ., 2007, no. 3, pp. 35-39. (in Russian)

23. Redin M.P. Razboj (ponyatie, konstrukciya sostava) [Robbery (concept, construction of composition)]. *Sovremennoe pravo* [Modern law]. 2007, no. 10, pp. 96-104. (in Russian)

24. Reshetnikova D.V. Osobennosti momenta okonchaniya prestuplenij protiv zhizni i zdorov'ya po Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Peculiarities of the end of crimes against life and health under the Criminal Code of the Russian Federation]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law]. 2011, no. 1, pp. 108-111. (in Russian)

25. *Sbornik postanovlenij Plenuma Verhovnogo Suda SSSR, 1924-1986 gg.* / Sost.: Bushuev G.I., Zamyatin V.I., Mazalov A.G., Romazin S.B., Savkin S.F., Smolencev E.A., Temushkin O.P., Trubnikov P.Ya., Filatov A.M. Pod obshch. red. Terebilov V.I. [Collection of decisions of the Plenum of the Supreme Court of the USSR, 1924-1986. Comp.: Bushuev G.I., Zamyatin V.I., Mazalov A.G., Romazin S.B., Savkin S.F., Smolentsev E.A., Temushkin O.P., Trubnikov P.Ya., Filatov A.M. Under total Ed.: Terebilov V.I.] Moscow, Izvestia Publ., 1987, 1039 p. (in Russian)

26. *Sud prisyazhnyh: kvalifikaciya prestuplenij i procedura rassmotreniya del: Nauchno-prakticheskoe posobie* / Yu.I. Antonov, A.Ya. Asnis, V.B. Borovikov i dr. pod red. A.V. Galahovoj [Trial by jury: qualification of crimes and procedure for consideration of cases: Scientific and practical guide Antonov Yu.I., Asnis A.Ya., Borovikov V.B. and others; ed. A.V. Galakhova]. Moscow, NORMA Publ., 2006, 560 p. (in Russian)

27. Trainin A.N. *Izbrannye trudy / Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya dokt. yurid. nauk, professora N.F. Kuznetsovoj* [Selected works / Compilation, introductory article by Dr. legal Sciences, Professor N.F. Kuznetsova]. Saint Petersburg, Legal Center Press Publ., 2004, 898 p. (in Russian)

28. Turyshev A.A. *Sostav prestupleniya: strukturno-logicheskiy analiz: uchebno-naglyadnoe posobie* [Composition of

a crime: structural and logical analysis: educational visual aid both]. Omsk, Education inform Publ., 2019, 44 p. (in Russian)

29. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya: uchebnyk* / V. A. Blinnikov, A. V. Brilliantov, O. A. Vagin i dr.; pod red. A. V. Brilliantova. 2-e izd., pererab. i dop [Criminal law of Russia. Parts General and Special: textbook / V. A. Blinnikov, A. V. Brilliantov, O. A. Vagin and others; ed. A. V. Brilliantova. 2nd ed., revised. and additional]. Moscow, Prospekt, 2015, 1184 p. (in Russian)

30. Shesler V. Moment okonchaniya hishcheniya predmetov, imeyushchih osobuyu cennost' (st. 164 UK RF) [The moment of the end of the theft of items of special value (Article 164 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. 2021, no. 5, pp. 69-76. (in Russian)

31. Yani P.S. Vzyatochnichestvo: spory o soderzhanii novell ugolovnogo zakona i pozicii Verhovnogo Suda [Bribery: disputes about the content of the novels of the criminal law and the position of the Supreme Court]. *Zakonnost'* [Legality]. 2017, no. 12, pp. 23-28. (in Russian)

32. Yani P.S. Konec prestupleniya [The end of the crime]. *Zakonnost'* [Legality]. 2016, no. 9, pp. 32-37. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 15.10.2022

Received on 03.02.2022; approved on 05.04.2022; accepted for publication on 15.10.2022

Жилкин Максим Геннадьевич – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя (Россия, 143100, Московская область, Рузский район, пос. Старотеряево, 4), e-mail: zmax71@mail.ru

Zhilkin Maksim Gennad'evich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya (4, pos. Starotheryaev, Ruza district, Moscow region, 143100, Russian Federation), e-mail: zmax71@mail.ru